

Только рядом со старшей сестрой Бай Чэнцзюэ позволял себе снова почувствовать себя ребёнком.

После обеда он прилёг на кушетку в боковом покое. Бай Цинли сидела у края ложа и тихо напевала колыбельную — ту самую, под которую их когда-то укладывала спать покойная матушка.

Под этот нежный, тягучий напев ему впервые за долгое время удалось крепко уснуть.

Когда он открыл глаза, уже сгустились сумерки. Старшая сестра сидела рядом, подперев голову рукой.

Бай Чэнцзюэ постарался подняться как можно тише, даже не спуская ног с постели. Но Бай Цинли всё равно проснулась. Она выпрямилась, слегка потянувшись на мягком ложе, и негромко произнесла:

— Цзюэ-эр, уже поздно. Тебе пора возвращаться.

— Угу.

— На улице студено. Накинь плащ, когда будешь уходить, а то только проснулся — сразу просквозит.

С этими словами Бай Цинли взяла лежавший поодаль железный шлем и бережно надела его на брата. Её пальцы на мгновение замерли у его шеи, коснувшись свежей красной царапины, а затем она медленно сжала ладони.

— Цзюэ-эр, у меня всё хорошо, не стоит так часто рисковать и пробираться во дворец. Мне ничего больше не нужно, лишь бы ты жил в мире и радости.

Он понимал, как сестре больно видеть его в этом железном шлеме, ставшем для него настоящими кандалами. Но в унылой дворцовой глуши её окружали лишь немногие верные служанки. На этом крошечном клочке земли, отрезанном от остального мира, он оставался для неё единственной ниточкой, связывающей с жизнью.

Бай Цинли помогла ему набросить плащ.

— Через пару дней в городе начнётся праздник фонарей, — тихо проговорил он. — Тебе стоит выйти из дворца, развеяться.

— Цзюэ-эр...

— Если откажешься, — перебил он её, — мне придётся просить об этом Его Величество.

Бай Цинли со вздохом покачала головой:

— Тебе уже минул год слабости, а всё упрямишься как дитя. Моя доля предопределена: либо стать разменной монетой в руках вельмож, либо уехать в чужие земли ради союза. Ты уже взрослый, Цзюэ-эр, должен понимать, что за сытую жизнь в этих золотых стенах приходится платить. Разве бывает так, чтобы всё шло гладко?..

— Мне правда нужно привлечь к этому императора? — мягко, но настойчиво спросил он.

Бай Цинли лишь слабо нахмурилась. Поняв, что спорить бесполезно, она молча кивнула, уступая брату.

Перед тем как покинуть дворец, Бай Чэнцзюэ заглянул к Бай Яньцю, чтобы попрощаться и заодно уладить дело с праздником.

Стоило ему заговорить о том, чтобы позволить Верховной принцессе ненадолго покинуть внутренние покои ради праздника фонарей, как мальчик без малейших колебаний согласился. Он тут же пообещал отправить с ней надёжную стражу, чтобы обеспечить полную безопасность сестры.

— Я выполнил твою просьбу, Маленький императорский дядя, — с надеждой произнёс Бай Яньцю. — Обещай, что в ответ ты проведёшь мой день рождения вместе со мной.

— В преддверии празднества я обязательно явлюсь во дворец.

— Я имею в виду... не мог бы ты остаться здесь на ночь? — Мальчик крепко вцепился в его широкий рукав. Заметив, что дядя молчит, он медленно разжал пальцы. На его лице отразилось горькое разочарование, но он упрямо попытался улыбнуться. — Я понял. Не стоило мне настаивать.

— Хорошо.

Услышав это простое слово, Бай Яньцю мгновенно просветлел. Наконец-то в его глазах блеснула искренняя, детская радость.

Он провожал Бай Чэнцзюэ до самых дверей покоев и ещё долго смотрел ему вслед, не в силах оторвать взгляда от удаляющейся фигуры.

Оказавшись за пределами дворцовых стен, Бай Чэнцзюэ ехал в карете, приоткрыв занавеску и наблюдая за шумным вечерним рынком.

С дворцовыми делами было покончено. Теперь пришло время полностью переключить внимание на Сюэ Бэйвана.

Уступить, чтобы затем сделать шаг вперёд — вот единственная верная стратегия на долгой дистанции.

Разговор с теневым стражем у постели навёл его на правильные мысли. Если события и дальше будут развиваться столь гладко и предсказуемо, он никогда не добьётся той цели, ради которой всё затеял.

В гостинице почти не осталось постояльцев.

Сяо Муцзы ворвался в залу запыхавшись. Столкнувшись взглядом со Сюэ Бэйваном, он вздрогнул от испуга и хотел было попятиться к выходу, но его остановил ледяной окрик:

— Куда побежал?

— Я... я так и не нашёл его, господин, — пробормотал слуга, робко переминаясь с ноги на ногу.
— Стыдно было возвращаться с пустыми руками.

Сюэ Бэйван опустил взгляд.

— Уже такая темень, а от него ни слуху ни духу...

— Господин, мы с самого рассвета ног под собой не чуем, весь город прочесали, но зацепок нет. Должно быть, молодой господин Цзюэюй намеренно прячется от нас.

Сюэ Бэйван тяжело вздохнул:

— Ладно, ступай спать. Я сам пройдуся, поищу его. А когда Цзюэюй вернётся, чтобы я больше не слышал от тебя этих глупых домыслов.

— Слушаюсь.

Оставив слугу, Сюэ Бэйван вышел на улицу. Глядя на затихающие торговые ряды, он замер в нерешительности, совершенно не понимая, в какую сторону податься.

Блуждая без всякой цели по ночным переулкам, он вдруг вспомнил об одном месте, где Цзюэюй мог бы найти приют.

Мысль о том, чтобы вернуться к соломенной хижине и снова встретиться с Бай Вумином, заставила его невольно сжать кулаки. В прошлый раз он ушёл без спроса, оставив лишь куцую записку. Теперь являться туда было до крайности неловко.

Сюэ Бэйван замер перед запертой дверью лачуги, колеблясь, стоит ли вообще стучать.

— Брат Сюэ.

От неожиданности он вздрогнул и резко обернулся. С ветки дерева бесшумно, точно ночная птица, соскользнул облачённый в белоснежные одежды Бай Вумин.

— Брат Бай, — выдохнул Сюэ Бэйван.

— Зачем пожаловал?

Голос Бай Вумина звучал леденяще-холодно, в нём отчётливо сквозило раздражение. Но Сюэ Бэйван, уже отчаявшись найти хоть какую-то ниточку, ухватился за эту встречу как за спасительную соломинку.

— Скажи... Цзюэюй не приходил к тебе?

Бай Вумин, придерживая рукоять меча, прищурился:

— Ты выставил его вон?

— Брат Бай, умоляю, ответь: он был здесь или нет?

Сталь со свистом покинула ножны. Холодное лезвие легло прямо на шею Сюэ Бэйвана. Голос воина упал до зловещего шёпота:

— Значит, всё-таки выставил. Какая же ты вероломная, неблагодарная тварь, господин Сюэ.

Актёрская игра Бай Чэнцзюэ была безупречна. Исходившая от него жажда крови оказалась настолько осязаемой, что Сюэ Бэйван застыл как вкопанный.

Этот наивный простофиля и понятия не имел, что стоило ему вернуться в поместье, как Бай Чэнцзюэ приказал Е Гую неотлучно следить за каждым шагом господина и слуги. Как только Бэйван направился к лачуге, Чэнцзюэ уже переоделся в нужные одежды и приготовился разыграть перед ним очередной фарс — трагедию о преданной любви и горькой обиде.

Сюэ Бэйван сделал шаг вперёд, проигнорировав угрозу. Острая сталь скользнула по его коже, оставив тонкую алую полосу.

— Брат Бай... ответь, Цзюэюй здесь?

Пальцы Бай Чэнцзюэ, сжимавшие рукоять, на миг напряглись. Опасаясь, что этот безумец действительно напорется на клинок, он резко убрал оружие в ножны.

— Его здесь нет. Он слишком горд. Раз уж отверг меня однажды, то больше не вернётся.

С этими словами Бай Чэнцзюэ развернулся, намереваясь войти в дом. Сюэ Бэйван рванулся следом и перехватил его за запястье. Взгляд воина мгновенно заледенел.

— Если не веришь, можешь сам обыскать весь дом, — процедил он сквозь зубы.

Он настежь распахнул дверь. Крошечная хижина действительно была видна как на ладони — внутри никого не было.

— Я верю тебе... — Сюэ Бэйван бессильно опустил голову. — Но, быть может, у него есть родственники? Или близкие люди?

— Нет.

— Тогда куда он мог пойти? Есть ли у него излюбленные места?

Бай Чэнцзюэ горько усмехнулся:

— Как ты думаешь, куда может податься девушка, которую только вчера выкупили из весёлого дома? Много ли у неё путей?

Пальцы Сюэ Бэйвана соскользнули с его запястья. В глазах молодого человека отразилась такая беспросветная тоска и раскаяние, что он, не говоря больше ни слова, побрёл прочь.

«Главное — не переигрывать, иначе совсем загоню беднягу в угол, и дальше разыгрывать карту станет невозможно», — подумал Бай Чэнцзюэ.

Он негромко окликнул его:

— Господин Сюэ, ты действительно так отчаянно хочешь его вернуть?

Тот резко замер и обернулся, в его глазах вспыхнул робкий огонёк надежды:

— Да! Брат Бай, ты знаешь, где он может прятаться?

— Наверняка не скажу. Но я могу поспрашивать у нужных людей. Раз уж он ушёл с деньгами, то, скорее всего, снял комнату в какой-нибудь неприметной таверне на окраине. Сейчас соваться туда без толку — все лавки уже закрыты на ночь. Давай сделаем так: завтра на рассвете я пройду вместе с тобой по этим постоялым дворам. Возможно, нам повезёт.

На лице Сюэ Бэйвана отразилась глубокая благодарность:

— Спасибо тебе, брат Бай! Тогда я вернусь на постоянный двор, а завтра на рассвете буду здесь.

Бай Чэнцзюэ небрежным жестом бросил ему небольшой глиняный флакон:

— Смажь шею.

С этими словами он зашёл в хижину и прикрыл за собой дверь.

Ему доводилось встречать самых разных людей, но столь наивного, доверчивого и вместе с тем занятого глупца он не видел никогда.

Проводив взглядом удаляющуюся в темноте фигуру через мутное оконное стекло, Бай Чэнцзюэ задул свечу.

В полумраке комнаты слышался шорох.

— Е Гуй, всё готово?

— Всё устроено по вашему слову, господин, — бесшумно возник за его спиной теневой страж.

Бай Чэнцзюэ кивнул:

— Свободен.

Е Гуй помедлил, не спеша растворяться в темноте. На его лице отразилось беспокойство.

— Господин... Вы слишком часто принимаете пилюли для изменения костей и смены облика. Снадобья подтачивают ваши силы. Если продолжите в том же духе, это может стоить вам жизни.

— Не тревожься, — небрежно отозвался Бай Чэнцзюэ. — Я знаю меру. Ступай.

<http://bllate.org/book/18210/1749084>